

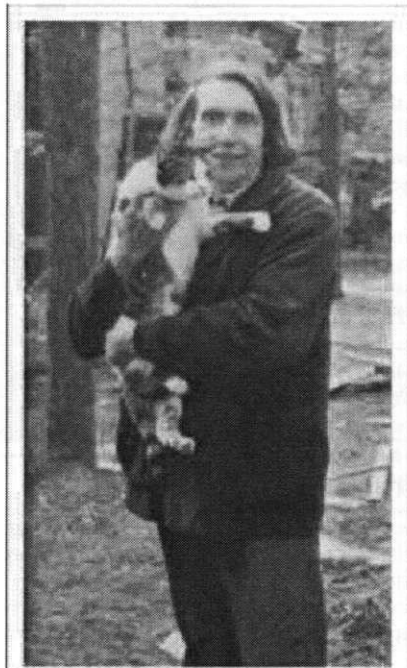
«Пятая зона» Глеба Семёнова

*«Я не забыл, зачем я здесь —
Здесь, на ветру, в разгаре века:
Запоминаю все, как есть!..»*

Глеб Семёнов — фигура легендарная для литературного Ленинграда. Хотя сегодня совсем немногие знают это имя, однако даже далеко за пределами Петербурга известны такие поэты, как Александр Кушнер, Глеб Горбовский, Михаил Яснов, Виктор Соснора. А ведь все перечисленные мастера считали Глебы Семёнова своим учителем и вышли из литературных объединений, которые он вёл в послевоенные годы.

Понимание того, что литература — его стезя, к Семенову пришла давно. Может быть, в его судьбе всё было решено свыше, когда ребенок, одарённый поэтическим слухом, попал в среду, в которой его дарование получило возможности развития: после развода родителей будущий поэт воспитывался в семье князя Михаила Волконского, литератора и театрально-го деятеля, а отчимом мальчика стал Сергей Семенов, талантливый прозаик.

Отчим будущего поэта был знаком со многими известными писателями и поэтами. Гибель Сергея Есенина переживалась в семье Бергов-Семеновых как смерть близкого человека. Именно С.А. Семёнову пришлось в прямом смысле слова вынимать из петли мёртвое тело поэта, и об этой ужасной миссии он не мог рассказывать без дрожи в голосе. В

**Глеб Семенов с котом Никитой
на писательских дачах в Комарово.
1978 г.
Фотография Валентины Глускиной**

архивах семьи сохранилась маленькая записка от Бориса Пастернака, написанная на кусочке блокнотного листа. Там значилось: «Дорогой Глеб! Твой отец

рассказал мне, что ты пишешь стихи. Бросай это дело, дружок, тяжелое и неблагодарное ремесло. Твой Б.П.» Но молодой поэт не внял дружескому совету. Он всю жизнь пристально следил за работой классика и впоследствии заразил любовью к его поэзии всех своих учеников, хотя сам никогда не предпринимал попыток подражать стихам Пастернака. Учитывая гипнотическую навязчивость пастернаковского стиля для многих молодых поэтов, такая невосприимчивость серьёзному влиянию чужой поэтики была показателем собственного вкуса и слуха.

Первая бумажная книга Глеба Семёнова «Свет в окнах», вышедшая в 1947 году, получила нелестные отзывы; особенно хлётко «прошлась» по ней «Литературная газета». Следующая его книжка выйдет в 1952 году («Плечом к плечу», М: 1952), а потом поэт не печатается более десяти лет — и только в 1964 году выходит его сборник «Отпуск в сентябре» (М: Л: Советский писатель, 1964). Однако Семёнов продолжает работать и составлять ...книги стихов. Это можно было бы назвать «писанием в стол», но на самом деле это был период кропотливого и упорного оттачивания собственного голоса, в котором крепились отчётливые и чистые «высокие ноты», о которых он потом скажет в письме, процитированном мной в начале. Началось это ещё до первых публикаций: свою дебютную книгу

«Парное молоко» Глеб Семёнов придумал ещё до 1941 года. Туда вошли его ранние стихотворения, большинство из которых поэт принципиально никогда не правил, хотя и понимал их несовершенство. В этом упорном приятии своих неудач была особая стоическая сила: поэту было важно всегда ощущать свою собственную точку отсчёта. Например, стихотворение «На тебе цветистый поясок», в котором слышится чужая (асадовская) интонация, или ранняя деревенская лирика, восходящая к поэзии Есенина, входили во многие поздние печатные сборники поэта.

Вторая книга «Воспоминание о блокаде», была придумана и составлена поэтом в начале сороковых; она пролежала в черновых тетрадях более пятнадцати лет; третья книга «Случайный дом» была написана в эвакуации. Послевоенные книги «Прохожий» и «Покуда живы» тоже не увидели свет в том виде, в котором автор их задумал. Но впоследствии именно стихи из этих книг и войдут в неоднократные переиздания наследия поэта. Понимание того, что поэзия требует постоянной работы, даже не работы, а служения — переросло в убежденность, что это служение должно носить не только эстетический посыл, но и этический.

*Вот рифмач, возмнивший,
Что он не рифмач, но поэт.
Вот ловкач, возвестивший,
что он не ловкач, но артист.
Вот палач, убедивший,
что он не палач, но герой.
Вот стукач, не простивший,
что он лишь стукач.*

После вступления в Союз писателей Глеб Семёнов работал ответственным секретарем Комиссии по работе с молодыми литераторами при Ленинградском отделении Союза. С 1947-го по 1981 г. руководил несколькими литературными объединениями — Дворца пионеров им. Жданова (1947—1950), Политехнического института, Горного института (с начала 1950-х по 1957 г.), Дворца культуры им. Первой пятилетки (в конце 1950-х — 1960-е гг.). До 1981 г. Глеб Семёнов руководил объединением писателей Дома ученых им. Горького. Учениками Глеба Семёнова были такие известные поэты, как Александр Кушнер, Виктор Соснора, Галина Гампер. Однако стихи Семенова издавались с бесконечными цензурными куптурами и искажениями. Замечательный поэт был известен, по сути, только немногим друзьям и преданным ученикам.

В его языке сочетались яркие афористичные определения поэта и его времени, тончайший лиризм и смелые диалоги с плеядой поэтов золотого и серебряного века.

*... И вот — на каком-нибудь фланге
серо от расплавленных тел.*

*По небу полудночи ангел
летел, и летел, и летел,
А я, в три позибели скрючен
(не так же ли на смех врагу?),
готовлю бутылки с горячим
и правды принять не могу.*

Книга «Длинный вечер» (1961 — 1964), как и книга «Чудо в толпе», увидевшая свет, частично была написана в Комарово. Их наполнение — пронзительная любовная лирика, но обращение к лирической героине происходит как бы опосредованно, через образы дачного быта и природы: в стихах появляется характерный фон: сосны, электрички, «под ногами корни», «сухостой, и вкривь и вкось торчащий», трава, тишина и бессонные ночи.

*Всей лёгкостью перечислений
Меня заманивает лес.
А каждый день — как день последний
Великолепствует окрест!*

*<...>
И неудобней под ногами корни,
И ненадёжней под рукой стволы,
И ветви с каждым шагом непокорней.
Идёшь среди сгущающейся мглы,
И сосны низкорослые бесстрастно
Блестят кровоподтёками смолы.*

Глеб Семёнов не очень жаловал комаровский сплин и писательскую элиту, там обитающую, и его отзывы о комаровских местах к 70-му году отдавали брюзжанием. И, тем не менее, он, не имея возможности уехать ещё куда-нибудь, называл это место «навсегда весенний свет». Е. Кумпан в своей книге о Глебе Семёнове вспоминала: «Новый 1959-й год Г. С. встречал под елочкой в комаровском лесу. Это был очень трагический момент его жизни. Мы знали об этом и, собравшись встречать Новый год у Серманов, позвонили ему ночью в Дом творчества <в> Комарово».

А что может противопоставить поэт — молчанию, в которое, словно вода в песок, уходит его голос? Только долгую уединённую работу и ожидание. В Комарове Глеб Семёнов, возможно, как нельзя остро чувствовал то, чем жила в свои последние годы Анна Ахматова. Переключки с Ахматовой у Семенова почти во всех «комаровских» стихах, вошедших в цикл «Пятая зона» из книги «Длинный вечер».

*И коровку божью сдунем,
опрavляя обилага.
За плечами май с июнем,
до раздуки — два шага.
Обернемся напоследок:
будто смотрит кто-то в след.
Тихо-тихо льётся с веток
навсегда весенний свет.
(«Пятая зона»)*

И, конечно, нельзя не упомянуть одно из самых известных стихотворений Глеба Горбовского, которое в одной из редакций называется «Будка» (вариант назва-

ния, встречающийся в сборниках — «Стихи о дожде»).

*<...>
Шум дождя на веранде
до конца моих дней
Напоследок сварганьте
кофе мне сварченной
Или нет, погодите,
лучше сам я сварю.
Вы со мной посидите,
я на вас посмотрю.*

1961 г.

Именно Ахматовой были посвящены стихи Глеба Семёнова «Когда погребают эпоху», где он упоминает о себе вскользь, как об одном из «Зарытых без вести, свою зарывших славу».

*<...>
И понимаются глухие ваши речи.
И занимаются сухие ваши свечи.
Мы отпеваем вас, мы яму вам копаем,
Мы на казенный счет эпоху постребаем.*

<...>

Глеб Семёнов, 1976

Свою последнюю книгу «Хождение за три оврага» Глеб Семёнов пишет в Комарово и в деревне Пачковка, неподалёку от Псково-Печерского монастыря. Книга состоит из трёх разделов, два из которых («Комарово, 1970-е...») и «Комарово, последние...» написаны на писательских дачах.

*У нас в Комарове деревья
И осенью так же строги.
Слоняюсь на позднем пригреве
Походкой вот этой строки.
Вдоль дачных линиях заборов,
Вокруг нежилого жилья.
Сперва прохожу мимо Горов,
Потом мимо Граниных я.
Вдоль детских пустующих дачек
Брожу, на качелях сижу.
Попавший под ноги мячик
Зачем-то в руках подержу.*

<...>

*Вослед журавлиной станции
гляжу, будто это навек...
Душа отвечает сторицей,
и жгучее солнце струтится
из-под остывающих век...
(«Осенины», 1980)*

Эти стихи — одни из последних, написанных Глебом Семёновым. Комаровская тоска, ставшая в какой-то момент нестерпимой, вдруг получила переосмысление в лёгкой иронии. По сути, это — прощальные стихи, написанные человеком, понимающим, что жизнь на исходе. Жизнеспособность стихотворения проверяется временем. И удивительным образом стихи Глеба Семёнова стали прощанием со всей эпохой академических и писательских комаровских дач, с миром, каждый год всё глубже уходящим в землю Карельского перешейка.

Ольга Анпкина